

Руднев Кайсын

4/II-86

4 июня 1986 года.

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ ПРАВДА

„МИР И РАДОСТЬ ВАМ, ЖИВУЩИЕ!“

МЫСЛИ О КАЙСЫНЕ КУЛИЕВЕ, НАВЕЯННЫЕ ПИСЬМАМИ ЧИТАТЕЛЕЙ

Он трудился, как пахарь на пашне, творя свои бессмертные произведения, которые, как извилистые тропинки в горах, вели его по крутым склонам к сияющим вершинам поэзии. Жил надеждой и любовью, без позы и ложного притворства, воспевавший мужество и нежность, благодарил родную землю за тень чинара в знойный день и живительное тепло в зимнюю стужу, за хлеб и воду. Радовался дождю в горах и снегу в родном Чегеме, любовался пышным цветением абрикоса и звездной ночью, славил материнское молоко и руки женщины. Познал вкус черного хлеба и соленой воды, горевал над безмолвным раненым камнем и понимал его боль. Не падал духом в горестные дни и не гордился в годы славы, просил судьбу не убивать тишину и улыбку ребенка, верил в бессмертие гор и знал, что стихи не спасут его от смерти...

Каждой своей строкой, каждым своим поступком Кайсын Кулиев старался принести людям большую или маленькую радость, отбросив от мелких и крупных тягот, находил верные слова, чтобы запастись в душу, взволновать самое черствое сердце. Обращался к тем, кто добывает свой хлеб насущный, и к тем, кто ушел из жизни, к женщине и ребенку, к камню и траве, передавал людям щедрость таланта и души своей. Он любил людей так, как сын любит мать, сочувствовал им, переживал за них и раскрыл свой многогранный и бесконечный мир перед ними искренне и безгранично.

И люди платили ему тем же. Изю дня в день поэт получал десятки писем из разных стран и континентов. Письма разные, но полные любви, благодарности за подаренную радость общения. Теперь они стали частью архивного материала о К. Кулиеве, но каждое из них — это кусочек большой, безмерной признательности поэту за доброе утро, за веру в человека, за стойкость камня и уроки мужества. Трудно судить, успевал ли поэт отвечать всем своим корреспондентам. Человек необычайной скромности и простоты, он не мог рекламировать отзывы о своем творчестве. Несомненно одно: сейчас, когда Кайсына нет с нами, письма эти стали новым источником, раскрывающим его духовный мир, они приносят в наше знание о нем новое как о человеке и поэте.

Из всего многообразия корреспонденции К. Кулиева мы отобрали те письма, которые представляют литературно-художественный интерес. В них выделили основные проблемы, которые волнуют человечество и именно поэтому послужили поводом для общения с К. Кулиевым, — это борьба за мир, любовь и привязанность к родной земле, нетерпение зла.

...Война... Все чаще и чаще звучит это зловещее слово в устах тех, кто жаждет крови, и в противовес планета снова и снова решительно говорит: «Нет!». Кайсын Кулиев, видевший обгоревший кровью снег и полные ужаса глаза голодных детей, стонавшие под тяжестью бомб сосны, пелел Хиросимы и Нагасаки, следы зверств Освенцима и Бухенвальда, не мог без содрогания думать о войне.

Рассвет 22 июня 1941 года он встретил парашютистом-десантником на латышской земле. Тяжелые испытания выпали на долю поэта: горечь первых отступлений и потерь, постоянная боль за горе людей не давали ему душевного покоя. Каждое из созданных на войне произведений впитало в себя кровь, пролитую автором на полях сражений, надежду и веру в победу советского народа.

География боевых дорог К. Кулиева обширна: Латвия и Подмоскovie, Орел и Сталинград, Сиваш и Перекоп... В дни, когда враг был близок к родным горам поэта, он просился на Кавказский фронт, но в боях

под Орлом был тяжело ранен и доставлен в чебоксарский госпиталь. Находясь там, в ноябре 1942 года Кулиев получает письмо из Политуправления Красной Армии и телеграмму от А. А. Фадеева с просьбой срочно явиться в Москву, чтобы решить вопрос о демобилизации поэта. Об этом же хлопотала и Е. Д. Стасова (секретарь ЦК партии при Ленине). «Радуют нас Ваши стихи, — писали в те дни Кайсыну из Союза писателей СССР. — Мы узнаем в них Вас, живого, способного, уравновешенного и вместе с тем горца — горячего и страстного. И стихи эти доставляют удовольствие не только нам, узкому кругу Союза. Хотя бы из того, что сразу пошли в прессу и радио передает каждый раз, как только речь идет о Кавказе, — хотя бы из этого Вы можете увидеть, что эти стихи нужны, что попали они к нам в самый подходящий момент.

А. А. Фадеев согласен с тем, что Вас надо на время освободить от непосредственной боевой работы, чтобы дать возможность «отписаться», вылить в поэтической форме все чувства, переживания, накопившиеся за этот год. Иначе Вас это будет отягощать, будет мучить. Трудно носить в себе столько мыслей и чувств, ощущений.

Мы несколько не сомневаемся, что Вы в мыслях уже на Кавказе. Это вполне естественно. Ведь Вы — сын Кавказа. Истинный сын всегда там, куда его зовет родная земля, он всегда со своей родной землей и народом. Здесь Вы совершенно правы. Но ведь Вы и своими стихами боретесь за Кавказ и боретесь очень активно. Ваши стихи — крупные снаряды по врагу, потому что они поднимают ярость народа, гнев, ненависть против гитлеровцев. И надо эти стихи писать и посылать, чтобы они доходили до народа...

Вы должны некоторое время пожить в Москве, а затем, если уж это будет нужно, пойти в армию, как писатель поработать в печати... Это целесообразно, необходимо и для сохранения основных писательских кадров в республиках. Ведь эти кадры так дороги нам, народу, стране. Ведь с таким трудом они вырабатываются.

...Вы понимаете, что Вашим словом Вы не меньше, а пожалуй, больше пользы принесете Кавказу, потому что у нас нет другого поэта в Балкарии. Вот почему мы просим Вас спокойно подумать над этим и не страдать, не переживать, что на Кавказе обходятся пока без Вас. Стихи Ваши уже действуют.

Но Кулиев был неутомим. Впоследствии он писал об этом: «Я не мог, не имел права считать себя лучше тех, кто сражался и погибал. Их так же ждали дома матери, как моя в Чегемском ущелье... Быть парашютистом я уже не мог, но вернуться на фронт был способен».

После выздоровления в начале 1942 года поэт приезжает в Москву. К этому времени его стихи печатались в газетах «Правда», «Красная звезда», в журналах «Дружба народов», «Огонек» и других изданиях. А. А. Фадеев очень внимательно отнесся к поэту. Он договорился с Политуправлением Красной Армии о включении Кулиева в список писателей, которых должны были демобилизовать. А Е. Д. Стасова организовала первые переводы стихов поэта на европейские языки. Всюду Кайсын чувствовал заботу о себе. Через несколько дней после приезда в Москву Союз писателей СССР организовал творческий вечер К. Кулиева, на котором присутствовали А. Фадеев, Б. Пастернак, С. Вургун и другие писатели, а стихи поэта в переводах читали В. Звягинцева, Д. Кедрин, М. Петровых.

Пробыв в Москве некоторое время, поэт все-таки отказался от демобилизации и

вернулся на фронт в качестве корреспондента газеты «Сын Отечества» 51-й армии, но работа эта не пришлась по душе бывшему парашютисту, и он ходил в атаку, делал разбухшую горбушку хлеба с товарищами, а в минуты временной передышки писал стихи и посылал в Союз писателей. Так входил Кулиев в поэзию — с пером и автоматом в руках, решительно и стремительно. К. Симонов как-то сказал, что у каждого фронтовика была своя война. Войну Кайсын видел в глазах матерей, с тоской смотревших вслед сыновьям, в протянутых детских ручонках, в пропахших горьким порохом стихах и в стиснувших зубы от боли солдате; в ржании коней с обгоревшими кровью боками и в подбитом, как лермонтовский стих, орле; в скорбных пепелищах деревень и скромных деревянных дощечках над солдатскими могилами; в печально поникших берегах и соленой воде Сиваша. Но стих поэта, как раненый боец, падал и, обливаясь кровью, вставал в беспощадном сражении, и шел дальше, подобно коню, закусившему удила. И как бы ни был труден путь К. Кулиева, в самые горестные минуты он не терял самообладания, не расставался, как горец с папашой, с мужеством, и в душе его не раз звучал огневой напев ислама.

«Мы все — поклонники Вашего чудесного таланта, радуемся тому, что знали Вас тогда, когда Вы только начали дорогу в тысячелетие, — писал Кулиеву его бывший однополчанин Е. Нейман в 1975 году. — В моем фронтовом дневнике за 7 апреля 1943 года есть такая запись (это было под Ростомом): сегодня к нам в редакцию приехал поэт Кайсын Кулиев. Это очень жизнерадостный, веселый и хороший поэт. Он нам читал свои стихи, Есенина».

Потом Кайсын играл в литературную игру и плясал под грохот артиллерийских снарядов и безудержные аплодисменты бойцов искренней исламей. «И это на фронте, рядом со смертью!» — восклицает автор письма. Таким он запомнился многим из тех, кто шел с ним в тяжелые дни войны, — жизнерадостным юношей с густой и буйной шевелюрой, темными горящими глазами, в которых то мелькали озорные искорки, то таились печаль и горечь.

Война испытала его на звание человека. Все довелось ему увидеть и пережить — холод и голод, тяжелые утраты, горечь временных отступлений и радость больших побед, уроки жестокости и заблуждений, но он выдержал все тяготы жизни, как кавказский клинок, выкованный лучшими мастерами, остался верным всему земному и возненавидел зло. И хотя война уходит все дальше и дальше в историю, главное в ней — жестокость, смерть — не забывалось, поэт никогда, ибо то там, то здесь на земном шаре вспыхивает огонь безумия жаждущих крови, плачут дети, и раны войны по-прежнему не заживают и до сих пор ей «ненавистны дни рождений и свадебные торжества, и тихой колыбельной песни неповторимые слова». И Кулиев продолжает сражаться своим мужественным пером, как когда-то минометным огнем, со всеми, кто хочет убить мир, и строки его мужественных стихов потрясают всех, кто хочет тишины. «Дорогой Кайсын Шугаевич! Мы как-то привыкли к Вашей союзной — и даже больше — известности, к Вашим великодушным стихам. В общем, утратили способность удивляться, и все же Вы заставили нас это сделать своим «Вместо реквиема». Мы читали его вслух и пережили минуты по-настоящему возвышенные и волнующие, которым дано побеждать обыденность», — пишет Л. П. Егорова из Черкесска.

Поэту присущ трезвый оптимизм, противопоставленный трагизму века, источник которого — в глубокой связи со своей землей, с на-

родом. Горцы издавна тяжело трудились в суровых условиях природы и не теряли при этом чувства любви к жизни. Поэт остро чувствует ответственность людей за будущее мира, смотрит в глаза действительности без иллюзий, заставляет задумываться над вопросами нравственной самооценки своих поступков. «Стихи Кайсына Кулиева как-то по-особому близки, понятны мне. Я пережила войну, опухала от голода (было мне тогда 9 лет). Я прекрасно знаю вкус мерзлой брюквы и гнилой картошки. У меня есть сын, и хочется, чтобы его детство было счастливым». (Из письма А. Юсуповой из Кустанайской области).

Любовью к миру, к людям пронизана чуть ли не каждая строка Кулиева, об этом свидетельствуют и названия его поэтических сборников — «Мир дому твоему», «Живу среди людей», «Говорю людям», «Книга земли» и другие.

Поэт пишет о человеке в наш экстремальный век, когда решается вопрос — быть или не быть, о человеке, которому не очень-то много надо: каплю душевного тепла, чтобы отогреть скваженное печалью времени сердце. И читатель чувствует это. Но самая scrupulous точность в поэзии не может раскрыть всю силу поэтического видения, если в ней нет эмоционального заряда. Кулиев как-то по-особому, с присущим только ему мировосприятием, умел постигать красоту и трагизм мира, страдал из-за раненого камня и загнанных колодца, погибшего под колесами машины цветка и сраженной молнией алычи, горькой золы Майданека и ран Вьетнама, детей Хиросимы и Кампучии, боли людей и стона скошенной травы. Этим он дорог всем, кто любит жизнь.

Его поэзия — это своеобразный человеческий документ, по которому люди учатся стойкости, нетерпению зла, учатся реализовывать внутренние потенциальные возможности в минуты, когда требуется максимальное напряжение физических и духовных сил. Она, как сейсмограф, помогает чувствовать толчки добра и зла. «Стихи Ваши воскрешают в душе скорбь об утраченном хорошем, рожают неистребимую любовь к людям. Каждая строка таит в себе удивительное свойство — настраивать самого читателя, слушателя на песенный лад». (Из письма Я. Мулярчика из Белоруссии). «Спасибо за Ваше доброе сердце, которое не очерствело в трудные годы жизни, — благодарит поэта М. С. Алиева из г. Майского, — спасибо судьбе, которая сохранила Вас для нас, молодого поколения... Я беру с Вас пример, стараясь псбжедать жизненные невзгоды, и благодарю Вас за то, что не дали опуститься, озвереть; с Вами светлеет душа, Человек, большой друг людей». «Дорогой Кайсын Кулиев — прекрасный поэт, редкий человек, как Вы нужны людям, как много сердца во всех Ваших словах, как обнажены и полны мужества, героизма, чистоты и нежности стихи, как Вы любите Человека, Родину и всю красоту мира, как отдаете им себя, как хотите, чтобы мир и люди стали лучше», — писала Кайсыну читательница из Ленинграда Г. Никитина.

«...Читая Ваши стихи, я понял, как страстно Вы любите свою горную прекрасную Родину и по праву гордитесь ею». (Из письма Мечислава Кругона из ЧССР). Искренность, умение переживать за чужую беду, радоваться каждому мгновению жизни, передавать это счастье, радостное ощущение другим, умение волновать сердца принципа не каждому поэту. Видимо, это и есть то, что мы называем кулиевским искусством, тем искусством, которое подняло человека на небывалую высоту достоинства. И читателей можно понять: не откликнуться на поэтическое чудо равносильно бесчувственности, равноду-

шию к земной красоте. И люди входят в его мир, как мечтал сам Кайсын, с доброй улыбкой, словно в новый дом, благодарят за открытие, восхищаются чистотой и образностью, пован-гоговски прозрачностью картин. «Позвольте преклонить перед Вами колени за Ваше огромное, доброе, человеческое, неизбежно поэтическое сердце. Счастлив, что живу в одну эпоху с Вами, учусь у Вас быть человеком». (В. Сигарев, журналист из Петропавловска-Камчатского). Не удивительно и то, что учитель из Запорожья Л. М. Силенко со своими учениками летом 1976 года провел поход по местам, где жил и творил К. Кулиев, встречался с его родными в Чегеме, а 1 ноября, в день рождения поэта, на классном часе ребята рассказывали о своих впечатлениях, сопровождали их чтением стихов Кайсына Кулиева, демонстрацией цветных диафильмов и фотоснимков. А альпинисты с турбазы «Вашиль» в 1973 году одну из безымянных вершин в Чегемском ущелье назвали именем поэта.

Нежный, горячий, беспокойный и мудрый, Кайсын вошел, как ясный день, в души людей и остался в них навсегда. И теперь кто-то в свои 70 лет хранит его томик под подушкой, как в 17 лет Есенина, держит на рабочем столе, кто-то берет его стихи в командировку, кто-то просит перед смертью жену написать поэту о его любви к нему. Произведения К. Кулиева согревают душу в холодный зимний день и утешают жажду в пути, они, как ласковые руки матери, приносят больному облегчение и утешают в одинокие дни старости.

«Раненый камень» всегда со мной, а с «Клинком и розой» хожу в трудные дела», — признался однажды поэту генерал-майор танковых войск С. Магомедов. «Вы действительно открываете сердце человеческому горю. К сожалению, в нашем мире много горя. Нам надо слушать Вас, доброго поэта нашего времени», — писал Кайсыну учитель русского языка из ФРГ Альберт Расмуссен. Им вторит поэтесса из ГДР Марта Вебер: «...Вы стали для меня каким-то образом внутренне близки, стали ближе, как друг, которому можно довериться во многом. Литература то же самое, что музыка: у нее нет границ, и она чувствует себя, как дома, там, где люди исполнены добрых намерений и принимают ее с благодарным сердцем».

Сколько сил, энергии нужно было ему, чтобы, подобно неиссякаемому горному роднику, находить путь к сердцам людей, отдавать им свое мужество и нежность, передавать им свой неистребимый оптимизм, улавливать тончайшие нюансы человеческих горестей и радости, уметь смотреть на мир добрыми и искренними глазами.

Слава, известность не прибавили поэту самоуспокоенности, уверенности в себе. Произведения его были всегда готовы к той роли, в какой их хотел видеть автор, — приносить людям радость, быть нужными в горе и в счастье, в дни болезни и старости. Сам Кулиев испытал это счастье — счастье радостного общения с людьми. Творчество его — своеобразный отчет о прошедшей жизни — прекрасной и трагичной. Гете как-то заметил, что все произведения — это отрывки одной большой исповеди. Нам кажется, Кайсын повторил бы слова немецкого поэта, если бы ему пришлось охарактеризовать свое творчество.

Смерть его ворвалась в наши сердца, как ливень в горные дворы, и мы еще долго будем чувствовать горечь и боль утраты и утешать себя тем, что он оставил человечеству, как завещание, свои скромные и мужественные стихи.

С. БАШИЕВА,
кандидат филологических наук.